УДК 39

ББК 63.5

DOI 10.31554/2222-9175-2019-34-123-128

М. М. Содномпилова

МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКАЯ ОСНОВА СКОТОВОДСТВА КОЧЕВНИКОВ ВНУТРЕННЕЙ АЗИИ: ОБРАЗ КОРОВЫ/БЫКА

Крупный рогатый скот входит в состав основного богатства скотоводов-кочевников Центральной Азии – табан хошуу мал (пять видов скота) и занимает важное место в системе жизнеобеспечения кочевников. К крупному рогатому скоту в среде тюрко-монгольских народов сложилось неоднозначное отношение, выразившееся в соотношении образа коровы с нижним/загробным миром, включении коровы в категорию животных с «холодным» дыханием и параллельным существованием культа небесного сивого быка. Амбивалентность образа коровы/быка обусловлена влиянием двух разновременных традиций, одна из которых, наиболее ранняя, сопровождала миграциям населения и распространению скотоводства на степные и лесостепные пространства Внутренней Азии. Другая, поздняя, восходит к традиции раннесредневековых тюркоязычных этнических групп Центральной Азии и связана с уйгуро-огузским культом быка, в среде которых мифический персонаж в образе быка включается в генеалогию.

Ключевые слова: крупный рогатый скот, мировоззрение, мифология, культ быка, миграция.

M. M. Sodnompilova

THE WORLD VIEW BASIS FOR THE INNER ASIA NOMAD BREEDING: A COW / BULL IMAGE

Cattle are part of the main wealth of the nomadic cattlemen of Central Asia - Taban Khoshu Mal “five types of cattle” and occupies an important place in the life support system of nomads. An ambiguous attitude to cattle in the environment of the Turkic-Mongolic peoples was expressed in correlating the image of the cow with the lower / afterworld, including the cow in the category of animals with “cold breath” and the parallel existence of the cult of the celestial gray bull. The ambivalence of the cow / bull image is due to the influence of two different-time traditions, one of which, the earliest, was accompanied by population migrations and the spread of cattle breeding on the steppe and forest-steppe spaces of Inner Asia. The other, late, dates back to the tradition of the early medieval Turkic-speaking ethnic groups in Central Asia, and is associated with the Uighur-Oghuz cult of the bull, among which the mythical character in the image of the bull is included in the genealogy.

Keywords: cattle, worldview, mythology, bull cult, migration

Крупный рогатый скот входит в состав основного богатства скотоводов-кочевников Центральной Азии – табан хошуу мал (пять видов скота) и зани-

мает важное место в системе жизнеобеспечения кочевников. Крупный рогатый скот практически повсеместно составляет основу хозяйства скотовода, и по количеству голов КРС в Монголии до сих пор оценивают состоятельность хозяйств. Мелкий рогатый скот относительно лошадей, коров и верблюдов занимал второстепенные позиции, считаясь *бог мал* (букв. сорный скот). Множество работ этнографов, лингвистов, исследователей фольклора посвящены в основном только двум домашним животным – лошади и овце, образы которых отличаются наибольшей сакральностью в кочевой культуре. Что касается крупного рогатого скота, то, несмотря на его высокую практическую значимость в хозяйстве кочевников, образ коровы/быка в традиционном мировоззрении кочевников Внутренней Азии все еще не стал объектом специального исследования. Восполнение этого пробела, хотя и частично, является целью данной статьи.

Лошади и крупный рогатый скот в качестве домашних животных, а не добычи, появляются в хозяйстве населения Центральной Азии в эпоху бронзы. На территории Прибайкалья на границе степной и лесной зон костные останки крупного рогатого скота и лошадей обнаруживаются уже в энеолите. Кости крупного рогатого скота в Прибайкалье находят в Шумилихинском могильнике (Л. Н. Иваньев), в районе Еравнинских озер на стоянке Харга-I, датируемой эпохой энеолита (Л. Г. Ивашина) [Асеев 2003: 147]. В эпоху бронзы и железа скотоводство стало господствующим в производящем хозяйстве.

Данные археологических исследований и генетических исследований ДНК КРС свидетельствуют о том, что крупный рогатый скот в Центральной Азии является наследием одного из предков КРС – *Bostaurus*, причем его отдельным подвидом *turano-mongolicus*. Центром одомашнивания этого предка домашнего рогатого скота стала территория на Ближнем Востоке между Черным, Каспийским, Средиземным морями и Персидским заливом [1].

В разных природных зонах, освоенных кочевниками Центральной Азии, коровы обеспечивают скотоводов основным продуктом питания – молочной пищей. С древности в традиции кочевников волы были основной тягловой силой: лошадей монголы использовали только для верховой езды. Шерсть яков – одной из разновидностей крупного рогатого скота шла на изготовление бытовых изделий.

Несмотря на значимость крупного рогатого скота в жизни кочевников, культ этого домашнего животного подобно культу лошади, у тюрко-монгольских народов Внутренней Азии нет. Образ коровы устойчиво ассоциируется с нижним/загробным миром и с водной стихией. В хакасских преданиях известны духи-хозяева озер, имеющие образ сивых быков. Самым известным является дух-хозяин священного озера Сут-холь – «кёк буга», которого представляли в образе лохматого, как лев, сивого быка. Иногда озерные быки выходят на сушу, от их рева все коровы вокруг становятся стельными и дают затем много молока [Бутанаев, Монгуш 2005: 19].

В среде тюрков Южной Сибири образ быка тесно связан с земледельческой традицией орошения посевов с помощью каналов, обнаруживающего сходство с традициями поливного земледелия народов Средней Азии. Этнографические материалы свидетельствуют, что у многих народов Средней Азии, практикующих поливное земледелие, весной и в засушливое время совершались обряды жертвоприношения с целью вызвать дождь [Снесарев 1971: 165; Пиркулиева 1975: 163]. В Южной Сибири древние оросительные каналы считаются тропами мифического сивого быка и носят названия «дорога быка», «бык». Жертвоприношения, устраиваемые тувинцами у оросительных каналов, носят название «буга дагыыр» – жертвоприношение быку [Бутанаев, Монгуш 2005: 22]. Названия каналов и связанных с ними обрядов, отражают суть жертвоприношения, который совершали на поливных магистралях

узбеки Хорезма. Как удалось выяснить Г. П. Снесареву, жертвоприношение бычком было адресовано богине плодородия Анахите, в образе которой представлялась река Амударья. «Обряд этот исключительно древний. Бык в качестве животного, приносимого в жертву Анахите, богине водной стихии, упоминается еще в Авесте» [1971: 165].

Предполагаем, что совпадение образа быка и изобилия воды неслучайно. Режим реки Амударьи исключительно благоприятен для поливного земледелия, так как период максимального подъема полностью совпадает с периодом вегетации. Максимальный подъем воды в течение сотен лет приходился на майский паводок. Группой исследователей (Я. Г. Гулямов, М. С. Булатов) установлено, что начало майского разлива Амударьи в древности (I тыс. до н. э.) совпадало с гелиакальным восходом Плеяд, которые расположены в созвездии Тельца. Паводок сохранил свое древнее, связанное с Плеядами название Юлдуз-тавуши / Улкар-тавуши в сельскохозяйственном календаре Хорезма [Болелов, Калганова, Никифоров 2015]. Вероятно, что образ небесного быка стал ассоциироваться с разливом речных вод в земледельческой традиции народов Средней Азии, а следы этих представлений обнаруживаются у тюрков Южной Сибири – факт, отражающий векторы древних миграционных движений населения и трансфер мифологических сюжетов.

В хозяйстве кочевников Внутренней Азии коровы в соответствии с традиционной классификацией животных, относятся к животным с «холодным» дыханием, так же как козы и верблюды. Скот с «холодным» дыханием не пользовался почтением в силу своего происхождения. Принадлежность крупного рогатого скота к группе животных с «холодным» дыханием определяет актуальность ряда негативных ассоциаций, сопутствующих образу этого животного. Исходя из особенностей природы домашних животных, народная фантазия создала интересные фантастические предания об их происхождении. Казахи верили, что не брезгующий даже застоявшимися талыми водами крупный рогатый скот создан из воды [Аргынбаев 1975: 195]. В религиозно-мифологических представлениях тюрко-монгольских народов Сибири, крупный рогатый скот и козы являются даром божества земли и воды // божества подземного мира, в то время как лошадей и овец дарует человеку Небо. («...») Коровы, считавшиеся животными Эрлика, наделялись холодным дыханием и способностью пророчить смерть. В той стороне, откуда, повернувшись, они тянули носом воздух, должен был умереть человек» [Традиционное мировоззрение тюрков... 1989: 83]. Синий или черный бык является ездовым животным главы подземного мира – Эрлик-хана. Пространственная локализация покровителя крупного рогатого скота, находящегося на севере [Бутанаев, Монгуш 2005: 22], также соотносит образ этого животного со смертью и холодом. В представлениях якутов коров дарует божество Аийсыт рогатого скота, живущее под землей, там, где заходит летнее солнце [Серошевский 1993: 649]. Перекликается с этими воззрениями и мнение казахов, считающих, что рядом с крупным рогатым скотом всегда находится нечистая сила, и, встретив этих животных на пути ночью, каждый должен был стегнуть скотину плетью, чтобы отогнать злых духов [Аргынбаев 1975: 197]. В народной медицине монгольских народов считалось, что мясо крупного рогатого скота обладает охлаждающими свойствами и не является полезным для больного человека [Вяткина 1961: 166].

Учитывая тот факт, что на прародине домашних коров культ быка как животного, неотъемлемо связанного с земледелием, существовал практически повсеместно, интерес вызывает причина трансформации его образа на пути продвижения домашнего скота с миграциями древних людей на северо-восток, в степи и лесостепные районы Внутренней Азии. Ответ на этот вопрос, на наш взгляд, дает мифология

тюрко-монгольских народов, и в частности, группа мифов о расправе домашних животных над мифическим существом/созвездием Плеяд – Мечин (монг.) / Улкер (тюрк.). Мифы составляют важнейшую часть духовной культуры человечества на протяжении тысячелетий и являются устойчивой формой трансляции знаний об окружающем человека мире и о его месте в этом мире, что позволяет привлекать для выявления этих знаний даже поздние тексты, зафиксированные в XIX–XX вв. [Березкин 2005: 55].

В мифологии тюрко-монгольских народов фиксируется ряд мифов, сюжет которых объясняет причину появления холодного зимнего периода на Земле. Значительный корпус такого рода мифов присутствует в базе данных электронного каталога фольклорно-мифологических мотивов народов Америки и Евразии, сформированного под руководством Ю. Е. Березкина. Основными персонажами этих мифов выступают домашние животные, преимущественно корова и лошадь (этих животных в ряде мифов замещает верблюд). Животные являются участниками мироустроительного процесса (следует отметить, что сюжеты о мироустройстве относятся к числу наиболее древних в мифологии). Лошадь и корова изменяют климат, пытаясь расправиться с созвездием Плеяд [II], посылающим холод и мор на землю.

В основной массе мифы тюрко-монгольских народов с участием домашних животных в расправе над Плеядами сводятся к вине коровы за появление на земле холодного зимнего сезона. В процессе своего развития и «дрейфа» к северу образ коровы как виновницы появления холода на земле, преобразуется в образ коровы/быка – властителя зимы и холода. Это образ обнаруживается на северной периферии тюркского мира, в преданиях и легендах якутов. В якутской мифологии олицетворением зимы выступал белый бык с голубыми пятнами. Бык зимы относился к сонму злых духов. С наступлением весны дух зимы отступал, у него поочередно ломались рога, а затем отваливалась и голова. «В ледоход туловище быка – зимы плывет вниз по Лене в Ледовитый океан, ледоход уносит души умерших за зиму людей и скота» [Якуты 2012: 243]. В другом якутском предании об упорядочении зимнего и летнего периодов бог, выслушав пожелания человека, лошади и быка, следует пожеланию последнего и удлиняет зиму [Якутские мифы 2004: 258]. Причина, по которой бог прислушивается именно к быку, не объясняется. Малопонятно и народное объяснение «любви» крупного рогатого скота к холоду: «Ты удлини зиму, у меня в жару нос мокнет» (ответ быка на вопрос божества в якутском мифе); рассерженным животным корова ответила, что лучше ходить на трескучем морозе, чем по жаре; коровы не боятся мороза (казахское предание). На наш взгляд, здесь налицо адаптация мифологических сюжетов к уже известному, существующему до распространения мифа на север и восток образу – созвездию Тельца, в котором находится звездное скопление Плеяд. Это созвездие имело чрезвычайно важное значение в хозяйственном календаре жителей древней Месопотамии [Verderame 2012].

С образом этого небесного быка, приносящего прохладу и дожди после летней жары, знаменующего начало очередного цикла полевых работ в земледельческих культурах Передней Азии, связан, вероятно, и широкий ассоциативный ряд негативных явлений, репрезентирующих представления о холоде=смерти/загробном мире и относящихся к крупному рогатому скоту у тюрков и монголов, живущих там, где севернее тех мест, где созвездие Тельца воспринималось населением позитивно.

Вместе с тем интерес вызывает культ Буха-нойона – небесного сивого быка, имеющий локальный характер: развивался этот культ в среде предбайкальских бурят, в частности у булагатов, хонгодоров, тэртэ, шошолоков. Буха-нойон является мифическим предком бурят булагатского племени. Рудименты культа синего небесного быка также обнаруживаются у якутов, хакасов, алтайцев, этнических групп

северной Монголии (дархатов, хотогойтов). Другим этническим группам монголов и бурят культ небесного быка был неизвестен. Ареал распространения этого культа, сходство мифологических сюжетов и обрядовых практик позволили исследователям выдвинуть гипотезу о древнетюркских истоках этого культа и предположить наличие раннесредневековых тюркоязычных групп уйгуро-огузского круга в генезисе носителей этого культа, и в частности булагатов [Этногенез... 2010: 256–274].

Таким образом, в мировоззрении тюрко-монгольских народов присутствуют следы влияния разновременных религиозно-мифологических традиций, связанных с культом быка. Одна из них, наиболее ранняя, сопутствовала миграциям населения и распространению скотоводства на степные и лесостепные пространства Внутренней Азии. Другая, поздняя, восходит к традиции раннесредневековых тюркоязычных этнических групп Центральной Азии и связана с уйгуро-огузским культом быка, в среде которых мифический персонаж в образе быка включается в генеалогию.

Статья подготовлена в рамках государственного задания: проект XII.191.1.1 «Трансграничные России, Монголии и Китая: история, культура, современное общество», № AAAA-A17-117021310269-9.

Примечания

I. Применение современных методов анализа ДНК показало, что были два центра доместикации и два диких предка современного КРС, различия между которыми достигали видового ранга. Первый из центров располагался на Ближнем Востоке, между Черным, Каспийским, Средиземным морями и Персидским заливом (здесь был одомашнен предок европейского скота *Bostaurus*); второй – на территории нынешнего Пакистана (отсюда происходит горбатый рогатый скот зебу – *B. indicus*). По данным анализа нуклеотидных последовательностей D-петли митохондриальной ДНК, дикие предки двух групп пород КРС дивергировали 200–1000 тыс. лет назад, т. е. задолго до доместикации, происходившей 8–10 тыс. лет назад [Столповский и др. 2011: 36–45].

II. Образ Плеяд варьируется от образов шести/семи волшебников, братьев, сестер, обезьян до насекомого в мифологии тюрко-монгольских народов.

Литература

Асеев И. В. Юго-Восточная Сибирь в эпоху камня и металла / И. В. Асеев. – Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2003. – 208 с.

Аргынбаев Х. Народные обычаи и поверья казахов, связанные со скотоводством / Х. Аргынбаев // Хозяйственно-культурные традиции народов Средней Азии и Казахстана. – М.: Наука, 1975.

Березкин Ю. Е. Мифы глубокой древности / Ю. Е. Березкин // Природа. – 2005. – № 4. – С. 55–61.

Бутанаев В. Я. Архаические обычаи и обряды саянских тюрков / В. Я. Бутанаев, Ч. В. Монгуш. – Абакан: Изд-во Хакасского гос. ун-та, 2005. – 196 с.

Пиркулиева А. Н. Приемы земледелия в Ахальском оазисе в конце XIX – начале XX в. (Пахота, сев, уборка и хранение зерна) / А. Н. Пиркулиева // Хозяйственно-культурные традиции народов Средней Азии и Казахстана. – М.: Наука, 1975. – С. 154–170.

Серошевский В. Л. Якуты. Опыт этнографического исследования. 2-е изд. / В. Л. Серошевский. – М.: Московская типография № 2, 1993. – 736 с.

Снесарев Г. П. По следам Анахиты / Г. П. Снесарев // Советская этнография. – 1971. – № 4. – С. 153–166.

Столповский Ю. А. Дифференциация пород крупного рогатого скота с использованием мультилокусного межмикросателлитного анализа (ISSR-PCR) / Ю. А. Столповский,

М. Ахани Азари, А. Н. Евсюков и др. // Сельскохозяйственная биология. – 2011. – № 4. – С. 36–45.

Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Пространство и время. Вещный мир / Э. Л. Львова, И. В. Октябрьская, А. М. Сагалаев, М. С. Усманова. – Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1988. – 225 с.

Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Пространство и время. Вещный мир / Э. Л. Львова, И. В. Октябрьская, А. М. Сагалаев, М. С. Усманова. – Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1989. – 243 с.

Этногенез и культурогенез в Байкальском регионе (средневековые). – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2010. – 407 с.

Якуты (Саха) / отв. ред. Н. А. Алексеев, Е. Н. Романова, З. П. Соколова; Ин-т этнологии и антропологии им. Миклухо-Маклая РАН; Ин-т гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов севера СО РАН. – М.: Наука, 2012. – 599 с.

Якутские мифы / сост. Н. А. Алексеев. – Новосибирск: Наука, 2004. – 460 с.

Verderame L. Pleiads in ancient Mesopotamia / L. Verderame // *Mediterranean Archaeology and Archaeometry*. 2016. – Vol. 16. – No 4. – P. 109–117.

References

Aseev I. V. Yugo-Vostochnaya Sibir' v epohu kamnya i metalla / I. V. Aseev. – Novosibirsk: Izd-vo Instituta arheologii i etnografii SO RAN, 2003. – 208 s.

Argynbaev H. Narodnye obychai i pover'ya kazahov, svyazannye so skotovodstvom / H. Argynbaev // *Hozyajstvenno-kul'turnye tradicii narodov Srednej Azii i Kazahstana*. – M.: Nauka, 1975.

Berezkin Yu. E. Mify glubokoj drevnosti / Yu. E. Berezkin // *Priroda*. – 2005. – № 4. – S. 55–61.

Butanaev V. Ya. Arhaicheskie obychai i obryady sayanskih tyurkov / V. Ya. Butanaev, Ch. V. Mongush. – Abakan: Izd-vo Hakasskogo gos. un-ta, 2005. – 196 s.

Pirkulieva A. N. Priemy zemledeliya v Ahal'skom oazise v konce XIX – nachale XX v. (Pahota, sev, uborka i hranenie zerna) / A. N. Pirkulieva // *Hozyajstvenno-kul'turnye tradicii narodov Srednej Azii i Kazahstana*. – M.: Nauka, 1975. – S. 154–170.

Seroshevskij V. L. Yakuty. Opyt etnograficheskogo issledovaniya. 2-e izd. / V. L. Seroshevskij. – M.: Moskovskaya tipografiya № 2, 1993. – 736 s.

Snesarev G. P. Po sledam Anahity / G. P. Snesarev // *Sovetskaya etnografiya*. – 1971. – № 4. – S. 153–166.

Stolpovskij Yu. A. Differenciatsiya porod krupnogo rogatogo skota s ispol'zovaniem mul'tilokusnogo mezhmikrosatelitnogo analiza (ISSR-PCR) / Yu. A. Stolpovskij, M. Ahani Azari, A. N. Evsyukov i dr. // *Sel'skohozyajstvennaya biologiya*. – 2011. – № 4. – S. 36–45.

Tradicionnoe mirovozzrenie tyurkov Yuzhnoj Sibiri. Prostranstvo i vremya. Veshchnyj mir / E. L. L'vova, I. V. Oktyabr'skaya, A. M. Sagalaev, M. S. Usmanova. – Novosibirsk: Nauka. Sib. otd-nie, 1988. – 225 s.

Tradicionnoe mirovozzrenie tyurkov Yuzhnoj Sibiri. Prostranstvo i vremya. Veshchnyj mir / E. L. L'vova, I. V. Oktyabr'skaya, A. M. Sagalaev, M. S. Usmanova. – Novosibirsk: Nauka, Sib. otd-nie, 1989. – 243 s.

Этногенез и культурогенез в Байкальском регионе (средневековые). – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2010. – 407 с.

Якуты (Саха) / отв. ред. Н. А. Алексеев, Е. Н. Романова, З. П. Соколова; Ин-т этнологии и антропологии им. Миклухо-Маклая РАН; Ин-т гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов севера СО РАН. – М.: Наука, 2012. – 599 с.

Якутские мифы / сост. Н. А. Алексеев. – Новосибирск: Наука, 2004. – 460 с.

Verderame L. Pleiads in ancient Mesopotamia / L. Verderame // *Mediterranean Archaeology and Archaeometry*. 2016. – Vol. 16. – No 4. – R. 109–117.